

ПОЛОЖИТЬ КОНЕЦ ЗЛОДЕЯНИЯМ!

Митинг в защиту политических заключенных Парагвая состоялся вчера в институте народного хозяйства имени Г. В. Плеханова.

— Много лет, — сказал в своем выступлении доктор философских наук Б. Э. Быховский, — в этой стране царит бесчеловечный военно-полицейский режим диктатора Стресснера — марионетки США. Свирепо и беспощадно подавляются все попытки народа улучшить свое невыносимое положение. Многие сотни борцов за свободу долгие годы томятся в фашистских застенках. Среди заключенных — лучшие люди страны, совесть парагвайского народа — секретарь ЦК Компартии Парагвая Антонио Майдана и его соратники Хулио Рохас и Альфредо Алькорта. Еще в 1961 году верховный трибунал признал, что, поскольку они отбыли установленный для них судом срок заключения, они должны быть освобождены из тюрьмы. Но это постановление не выполняется.

На митинге была принята резолюция, в которой его участники выразили горячую солидарность с патриотами Парагвая, потребовали их немедленного освобождения. Они приняли решение довести эту резолюцию до сведения Организации Объединенных Наций, до сведения правительства и парламента Парагвая.

Газета
издается
с 11 декабря
1919 г.

ВОС-
КРЕС-
НЫЙ

МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ

Орган МК и МГК ВЛКСМ

НАШ АДРЕС:
Москва, Центр, Чистые
пруды, д. 8.

Телефон для справок
К 4-30-00, доб. 3-27.

№ 35 (8958)

11 февраля 1968 года

Цена 2 коп.

Ира Терещук — лаборантка.

Биохимик Валя Николаева
— хозяйка этой картотеки.

МОЖНО подумать: въеха-
ли в небольшой уютный

СТО УЧЕНЫХ

СЕГОДНЯ мы открываем новую рубрику — «Книга в газете».

В Москве по крайней мере десяток поэтов, имена которых хорошо известны по журналам, которые давно сложились как поэты и грозят перешагнуть рубрику «Молодые».

Газета предоставляет возможность читателю судить об их творчестве не по одному-двум стихотворениям, а по целой подборке, которая скорее похожа на маленькую книжечку, на отдельную брошюру из «кассеты».

Сегодня мы публикуем стихи Юрия Влодова.

Ему тридцать один год, родился он в Сибири, а живет в Москве. Он закончил библиотечный институт, учился и работал разнорабочим, художником-оформителем, литсотрудником молодежных газет.

Стихи пишет больше десяти лет и публиковался в журнале «Смена», в газетах «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Литературная Россия» и др. Ю. Влодов — лауреат журнала ЦК ВЛКСМ «Смена» за 1966 год.

Несколько раз его стихи публиковала и наша газета.

ДЕКАБРИСТЫ

Венец мороза, вещей, как петля, —
над площадью, где зябкие подковы.
Смешливый глаз чугунного Петра.
И Николай в шинелишке дубовой.
«Блаженно детство. Лучше б во сто крат
уже торчать в натопленной темнице»,
Так мыслит бунтовщик-аристократ.
Он — юморист. Подковы по столице
в булыжник бьют, как будто кандалы
кует кузнец невидимый, но грозный:
прими, мол, юность, звонкие дары
в бессмысленный, бессмертный день морозный!..
В покоях нынче обмороки, стон
и беготня... Вздохнет лакей ретивый:
«Ах, князьенька!.. Совсем дитяты он...
Прости его, кормилец наш родимый!..»
И встретятся крестьяне средь полей
На ледяной развилке, в белом паре
пошутят зычно: — Бают, Пантелей,
в войну пограть решились наши бары!..
И заскрипят этапы не спеша.
В казенных избах будут хлопать двери...
А воздух, как российская душа,
Морозен, чист и грозен от преддверья...

КНИГА В ГАЗЕТЕ

Стихи Юрия Влодова я слышал еще несколько лет назад, из уст самого автора. Мне они понравились. Это прежде всего тонкий пейзажист, горячо любящий природу России. Литературный почерк его вполне самостоятелен. Правда, в нем сочетаются сила, иногда переходящая в неуклюжесть, и изящество, временами граничащее с эстетством. Если поэт избавится от обеих крайностей, из него, несомненно, выйдет толк.

Желаю ему удачи.

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ.

СОНЕТ ПОБЕД

Мы смерть вдыхали... Сно
выд
Был скальпель туп. И отто
И пахли европейскими дух
ладони наших стриженных
Зрачки бойцов чернели, ка
во

ПРЕДСНЕЖЬ

О позднее поле —
осенней души мирозданье,
Вселенная грусти
с младенческой птицей в н
Бессмертно и тяжко
забытых осин бормотанье
над синим провалом,
где черные ходят ключи.
Ты только возьмишь —
уж потом нипочем не отпусти.
Я слышу во сне;
как уснули мои зеленя.
И темная Клязьма.
И светлая звездная пустошь,
И вздохи парама.
И потные вздоги коня.
О чем горевать! —
Отлетела с гусями обиды.
Сквозь пасмурный день
золотая звезда пронеслась —
осиновый лист...
И пугливо стреляют копыта.
И ветер души
представляет верховную власть...
Отечество ветра —

Коль настроения курьезны,
почти легко себе же лгать,
стихи прозрачные слагают
про необъятные березы,
про синий луг, про злую гать
да про цветы «коровьи слезы».
О старорусские снега,
они младенчество смягчают,
табачный сумрак облегают.

в сон от стуков пулевых,
и фашистов, как вороны,
возле кухонь полевых.
Свали в термосы баланду,
свали бодрую команду,
сигнались быстрее к черпаку.
Баясь, морщился раздатчик,
и, молчаливый автоматчик
стскими осколками в боку.

Духа свободы —
для туча,
мимолетный потух!
жалейкой —
отшедшей субботы
стые бездны
вожают пастух...

в чужах на излечение
будто ты — балласт.
ступит извлечение
вуденновских баллад
обитых закоулков,
льных школьных кладовых.
оживают гаммы звуков
в музейных ящичках смешных.
А мы ладонь под щеку ставим.
И ходят ходики годов.
И возникают стукки ставень
и стыков диких поездов.
Отчизна... Голая, как голод.
Осины — вдовами во след.
Отцы. Окопы. Вечный холод.
во имя наших теплых лет.
Свети, о молодость, как линза!
Пусть ходят отблески баллад
по площадям Социализма,
где трубы вещие трубят!

И своею рукой
свою же слабость обличает,
непогрешима, но легка...
Я болен шорохом пера,
его густой чернильной влагой,
лощенной праздничной бумагой,
большой и снежной, до утра...
Торчу потешным бедолагой.
Но чу: светлеет... Спать пора.

Ветер дует в колодец
(деревня! страна!).
По колодецу колотит
бадь-сатана.
И от этого стука
под родимым рядом
вибрирует ухо
на сене ночном.
Я ветру прощаю
весь непокой.
Я Русь ощущаю
теплой щеккой.

Озера круглые,
что дочкины глаза.
Пугливо ухнули
заблудшие лосята.
Не ивы-девушки,
а взрослые Аленки
стирают в речушке
суровые пеленки.

ПОЛУНОЧЬ. И. С. БАХ

Подвал. Надмогильный
склеп.
Чахоточный ход органа.
Как призрачно, как румяно
высокое имя — Хлеб!
Но парусом реет плащ.
Белы, как лунные зайцы,
огромные скачут пальцы
по нервам лугов и чащ.
...Я слушаю, чист, как
птаха.
Я свят от святого страха...
Все брэнное, умолчи!
Ничтожны сума и плаха,
коль дыбится fuga Баха
бездомной звездой в
ночи.

Уже неотдалимы
от свежего листа
абстрактные долины,
нудесные леса.
Волшебен отклик дальний.
Воздушна красота!
И только боль реальна.
Одна лишь боль проста.

НОТЫ

БЕРЕЗКА

Ворчит за дубравой небесный старик,
А глянешь — по мокрому выгону:
березка на тоненькой ножке стоит
и радугу держит, как прыгалку.

ДУБ

Смотрит на меня глазами узника.
Листьями от старости брюзжит.
За сто лет накопленная музыка
в дуплах, как в шкатулочках, дрожит.

КУКУШКА

Стоят лучи, как точные весы.
«Ку-ку!» — и все. И сразу онемела.
Как будто где-то в просеке горелой
старинные испортились часы.

ОБЛОЖНОЙ ДОЖДЬ

Капли сползают улитками,
оскальзываясь на стволе.
Небо суровыми нитками
неплотно пришито к земле.

ЗВЕЗДОПАД

Чиркнет спичкой близко-близко,
зашипит и — вниз...
Сыханут по лугу искры
от степных грозиц.

ЛИСТ

Вот летний день кончается...
Внезапно оглянешь:
как маятник, качается
умаявшийся лист.

ЛОСЬ

На грозной круче встанет грустный лось
и затрубит он, лето окликая...
В юсынке красной лето унеслось,
зарницами, как спицами, сверкая.

ТУМАНЫ

К утру — туманы синие.
И не почувешь вовремя —
то ли — рога лосиные,
то ли — осина голая.

ОБЕЛИСК

Над теплыми пригорками —
звезда святая.
Молчит осина горькая —
мать седая.

КАНУН

Канун. Ледяная мга.
Но дышит в ночи дочурка,
горячая, как печурка.
И тают в окне снега.

ОТ РЕДАКЦИИ. Итак, вышла первая «Книга в газете». Напишите, понравилась ли вам сама идея нашей рубрики, кого из молодых поэтов, не имеющих еще книги, вы знаете и хотели бы с ними встретиться на страницах нашей газеты. Ждем ваших откликов.